

Нати́г РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

близнеца, крайне утомило его, и он ни о чем не мог думать, и все клонило в сон, закрывались глаза, и он заснул, и приснился ему кусочек из их детства, вернее, из детства его брата, Азада. Дача в Приморском, что возле селения Мардакяны, горячий белый песок под ногами, все кругом затито жарким солнцем, низкие, стелющиеся по земле, по песку виноградники, раскоряченное дерево илжипра, и мама на крыльце дома, разгоряченная жарой, говорит его брату, Азаду, чтобы он был осторожнее и смотрел под ноги, здесь могут водиться змеи, и Азад поднимает поочередно свои ножки и смотрит на пятки. Им с братом по четыре года. Он вдруг проснулся и усталости на подносе со стаканчиками в руках у стюардессы, который она совала ему под нос, предлагая попить. Губы ее зашевелились, он отвел глаза от лица стюардессы, бессознательно взял стаканчик, стал пить и заплакал. Потом он опять заснул и снова вспомнилось детство, когда они поехали в Кисловодск, в те годы было модно ездить в Кисловодск, в Пятигорск, для Закавказья они считались престижными курортами, и как-то, гуляя с мамой втроем, они надели на старушку-цыганку, которая все

принимал окружающее, чего с ним почти никогда раньше не бывало - болезненно-реально воспринимал и эту весну, и людей на улицах, и деревья, и дома. Он был несколько удивлен: по натуре он слишком мечтательный, замкнутый, чтобы так сильно ощущать реальность: с детства он мечтал о будущем, и это было вполне естественно, теперь, когда будущее уже становилось прошлым, он мечтал о прошлом, преобразовывая его задним числом, придавая себе решительный, деятельный характер, как у его брата-близнеца, мечтал о том, что давно прошло, что можно было бы сделать не так, что всю жизнь свою можно было бы построить не так... Мечтал, мечтал... Вот покойный Азад - другое дело, он был слишком реальным, до мозга костей, жил этой минутой, этим днем, на остальное ему было наплевать, и мечтания вызывали у него недоумение и даже раздражение, хотя нельзя было утверждать, что воображение у него было притупленным.

Дом был старый, что говорится, на ладан дышал, и давно предназначен на слом, но дело в том, что все дома в этом квартале были не лучше и сносить надо все или ничего не трогать, так и прохо-

бота, всего лишь работа, средство для существования; над ними пролетел самолет, на несколько секунд абсолютно заглушив заупокойные молитвы муллы своим нарастающим гулом.

Ночью он долго не мог заснуть. Плакать не хотелось, он мог трезво размышлять, но в то же время ему казалось странным, что он не может проникнуться этой страшной потерей самого, может быть, близкого человека на свете. На миг проскользнуло в мозгу, что он, непонятно как, охвачен бездушностью и черствостью брата по отношению к окружающим, равнодушием, которое характерно было для покойного. Он лежал без сна, и чем дальше, тем труднее, тем почти невозможнее было ему осознать горе, прочувствовать всю неизмеримую глубину его... Что-то странное, необъяснимое творилось в его душе. Потом он заснул и приснился ему его брат-близнец, Фуад, который уехал в Москву и вот уже три года как там женился. - Смотри же, - говорил он Фуаду на прощание, - будь осторожен, сам знаешь, какое время смутное. Звони почаще, мама будет беспокоиться, понадобятся деньги, дай знать, пришлось моментально.

Фуад кивал, соглашаясь, но во взгляде его была непонятная ему отрешенность, туманность, видно было, что мыслями он далеко отсюда, от брата. Это его сердило.

- И не будь разиней, - сказал он в сердцах. - Люди только того и ждуть, чтобы тебя облапошить. Научись жить.

Фуад улыбнулся ему вдруг такой беззащитной, мягкой, доброй улыбкой, будто они прощались навсегда. И он понял, что никогда тот не научится жить, и будучи его постоянно обманывать, и он в ответ будет вот так вот, как сейчас, улыбаться. У него сердце зашевелило.

- Обнимемся, брат, - сказал он.

Они обнялись. Потом он полез в карман и вытащил деньги.

- Ничего не говори, - сказал он. - Ты уезжаешь. Не помешает. Бери.

- Нет, не надо, - сказал Фуад, осторожно отстраняя от себя руку брата с деньгами. - Ты с мамой, тебе будет тяжело, оставь. - Бери, тебе говорят, - он насильно втиснул деньги в карман брата. - Для тебя отложил. Не такие уж большие деньги - тысяча баксов. На первых порах может согдниться, пока устроятся в будущем.

И Фуад уехал.

Утром он проснулся с тяжелой головой, к тому же еше и сердце побаливало, чего раньше с ним никогда не случалось, никак не мог вспомнить, что видел во сне, встал, оделся. Надевая пижаму, по привычке пощупал нагрудный карман: он был пуст. Этого не могло быть: он отлично помнил, что там лежали деньги, тысяча долларов, которые он положил перед отъездом... Он тряхнул головой, будто отгоняя наваждение. Перед каким отъездом?.. Что за чушь? Как каким? Перед отъездом из Москвы... Да? А что же он там делал, в Москве? Нет, этого быть не может, он здесь, дома, и последние десять лет никуда из Баку не выезжал, мама постоянно болела да и дела всякие... Нет, конечно же, он вспомнил: он вчера выиграл в казино эти деньги, и в тот же день вложил их в дело, приятель едет в Дубай за товаром, он отдал ему и просил привезти на его тысячу тоже. Вот и все...

Ночью внезапно ему сделалось плохо, в какой-то миг он даже подумал, что умирает, не доживет до утра. Голова болела адски, нечеловеческая боль висела где-то в области височной кости, пронзала череп, его стошнило на коврик перед кроватью, сил не было подняться, пойти до туалета. Жена переполошилась, в "скорую" звонила. Было четыре утра, когда все прекратилось так же вдруг, как и началось.

- С чего бы, господи? - тихо, испуганно причитала Маша, жена. - Вроде бы ничего не ел такого, я думала, отравился, все симптомы отравления...

- Не пил? - сонный неряшливый врач "скорой", изучая слабый пульс, пояснил: - спиртное?

- Да он вообще не пьет, - почему-то возмутилась Маша.

- Явный упадок сил, - констатировал врач. - А так все нормально вроде. Пусть отдохнет денек два.

Но отдохнуть не пришлось ни два денка, ни даже один. Утром пришла телеграмма, срочная: "Умер брат твой родной. Скончался четыре утра. Мама".

Библейский тон телеграммы в какой-то мере шел от незнания отправляющим русского языка, к тому же был предназначен для его начальства на работе - чтобы знали, что именно родной брат умер, и отпустили бы приехать на похороны. Да и билет на самолет, конечно. С такой телеграммой на руках будет гораздо проще срочно взять билет в аэропорту. Он был сражен - его брат-близнец, тридцати шести лет, здоровый, полнокровный, в расцвете сил, и вдруг умер. Это не уместилось в сознании. Умер. Внезапно. Уме-ер. Он перекатывал это слово в мозгу, и оно никак не соответствовало цветущему виду веселого, любящего покутить, пожить, пощупать брата, человека авантюрного склада, брата, который был прямой противоположностью ему... Надо было действовать, куда-то мчаться, что-то делать, покупать билет на ближайший рейс до Баку, а он сидел на краешке кресла, безвольно уронив плечи, опустив руки, в одной - телеграмма. Будто вот-вот упадет с кресла. На самом краешке. Маша с тревогой наблюдала за ним, не решаясь что-то сказать. Она понимала, что надо теперь срочно лететь в Баку, чтобы успеть на похороны.

Чудовищно, думал он, чудовищно, и, кажется, сказал это вслух, потому что жена вдруг чуть встрепенулась. В самолете он спал. Ужасная ночь, когда он физически переживал смерть брата-

пилился в маму, как клещ, и не отпускала, пока не выудила у нее деньги, а потом нагадала им будущее, что оба ее сына-близнеца умрут в один день и от одной болезни, мама страшно рассердилась и перепугалась, горлопливо увела их домой, отцу рассказала, на что он резонно заметил, что умереть можно и в глубокой старости, и вместо того, чтобы паниковать, надо было уточнить у цыганки, тем более что деньги заплачены... Теперь, вспомнив этот эпизод, он тяжело вздохнул во сне - в один день и от одной болезни - не угадала, обманула цыганка.

Весна обрушилась на этот город как бедствие - внезапно, раньше времени, без малейшего перехода от зимы - вдруг подул теплый, безветренный, беременный солнцем ветер, и то немногое, что успело выпасть накануне и что трудно было бы назвать снегом, тут же превратилось в грязь и слякоть под ногами у прохожих. Голые деревья приободрились в ожидании почек и цветов, а мрачные лица на улицах стали щуриться, изображая улыбки. По-настоящему улыбаться в этом городе уже не умели, умерли тихие радости; хохотали, это да, хамски, не заботясь о том, что могут доставлять неудобство окружающим; множество молниеносно разбогатевших людей старались как можно ярче прожигать жизнь, но выходила от этого прожигания одна вонь; а вот улыбки исчезли, те, кто уехал, не веря уже в возрождение этого некогда столь прекрасного города, увезли с собой свои улыбки, те, кто остался, - улыбаться разучились. Он смотрел в окно так и не мог думать, не мог сосредоточиться ни на чем, но как-то непривычно ярко вос-

диди годы, и все оставалось по-старому, и становилось все старше и старше, пока, устав стоять, не валилось само собой, и тогда подводили итог - аварийный дом, хотя аварийный он был уже тридцать лет назад. В одном из примерно таких домов и жил брат с матерью. Он вошел во двор, где повелеяло на него воспоминаниями детства, поднялся по скрипящей узкой деревянной лестнице и тут же попал в объятия родных. В доме оказалось полно людей, его стали хватать, целовать, обливаться слезами, плач, чуть слышимый со двора, здесь было гораздо громче, мать тербила его, что-то говорила. В распахнутую дверь комнаты отсюда, из коридора, виднелось на столе изножье гроба без крышки. Крышку он видел во дворе, она стояла, прислоненная к входной двери, извещающая всех, что в доме покойник. Ему что-то рассказывала мать. Он поглядел на нее тупо, напрягая, прислушиваясь, и тогда узнал, что брат его умер от менингита, скончался - как сторел - в больнице в течение трех дней, не приходя в сознание, пребывая все трое суток в глубокой коме. Он слушал, понимал теперь, но все равно не мог хорошенько сосредоточиться, ловил себя на странных ощущениях, будто это и не он вовсе, как бы со стороны видя и наблюдая за самим собой, будто кто-то другой за него слушает и плачет, и целует маму, и гладит ее по голове.

В тот же день хоронили Азада. Душный, теплый, почти летний день, несмотря на то, что стоял еще только март. На кладбище многие сняли свои пальто и плащи и держали их, перебросив через руку, солнце блестело нестерпимо, мулла читал молитвы густым спокойным голосом - смерть для него была ра-

БРАТ

(Продолжение следует)